

К.Лукашевич

В тесноте, да не в обиде.

Рассказ старушки.

Они переехали ко мне незадолго до Рождества и наняли самую маленькую комнатку. Подивилась я, как они поместятся в такой клетушке вдвоем. Однако ничего: устроились хорошо и зажили тихо, согласно, весело.

Сначала я думала, что они -- брат и сестра, оказалось, муж и жена. Совсем молоденькие, веселые, ласковые; сама -- такая большеглазая, красивенькая, точно картинка. Мы их прозвали голубками. И все жильцы их полюбили.

Приехали они из провинции; барину надо было учиться, сдавать экзамены, куда уж -- право, не припомню. Как это родители отпустили таких детей, -- не понимаю. Верно, бедность принудила.

Бедность да нужда, видно, молодых не пугают. Мои голубки целые дни воркуют, смеются, шутят. Им и горя мало, что по одному платишку на плечах, что башмаки в дырках, что иной раз и едят не досыта.

Рано утром Николай Николаевич, так звали моего нового жильца, уходил учиться, в библиотеку, -- сказывала его барыня. А она то книжки читает, то лепечет, поет, как птичка, около меня увивается... Иной раз надоест, а то опять пожалеешь: молода, глупа, как тут не помочь.

-- Хозяюшка, голубушка, -- она меня всегда так звала, -- позвольте мне постряпать, когда плитку разведете, -- просит моя молодуха. -- Мой Николаша придет голодный, как волк.

-- Господь с вами, Любовь Ивановна, стряпайте. Разве мне плиты жаль...

-- А вы меня поучите!

-- Поучу. Не то вы, как намердны, всю провизию перепортите.

-- Я хочу для мужа малороссийский борщ сварить. Он у меня хохол: любит борщ ужасно...

-- Делай, моя красавица, что хочешь...

Не успеешь обернуться, а ее и след простыл. Вернется через четверть часа, покатывается, хохочет и меня насмешит до слез. Искала малороссийского сала да каких-то баклажанов, зашла в сливочную, в булочную и даже в суровскую. Ну, конечно, ее приказчики на смех подняли. И вернулась ни с чем.

Иной раз такое кушанье состряпает, что, кажется, ни за что и в рот не взяты.. То пересолит, то переварит, то пережарит... А муженек придет, -- ест да похваливает.

-- У меня Любаша -- золото, -- говорит. -- Отличная хозяйка! Ишь, как вкусно стряпает...

"Как не вкусно?! Молоды, здоровы, счастливы -- тут, конечно, все хорошо", -- подумаю я про себя.

Перед праздником мои молодые получили деньжонок, должно быть, из дома, с родины. Притихли что-то.

В самый сочельник Любовь Ивановна и говорит мне:

-- Хозяюшка, голубушка, я хочу елочку сделать.

Я удивилась.

-- Елку? Для кого же? Для муженька, что ли?

-- Да, для мужа... И у них в семье, и у нас всегда бывали елки... Так скучно вдали от своих и от родины. Хоть потешить себя...

Мне стало смешно.

-- Вот дитятко малое! Делайте, родная, коли охота... Мне не помешаете.

Принесла она такое огромное дерево, что и в комнату не лезет. Стала его подрезать да подпиливать, внесли в их клетушку, и пошевелинуться негде. А они радуются, хохочут.

-- Как хорошо! Какая прелесть! Смолой пахнет, точно в лесу... У нас, хозяйюшка, на родине леса большие, густые. Какой там воздух чудесный!

Нарезали они разных фигурок из цветной бумаги, орехов назолотили, купили дешевеньких конфет, да пряников, да яблочков и разубрали елку. Небогата елочка, а комнатка выглядит такой нарядной, веселой.